

Е. В. Кашкин, А. И. Кузнецова, Н. А. Муравьев (Москва)

ИЖЕМСКИЕ ГОВОРЫ ЯНАО: ДИАЛЕКТНЫЕ И АРЕАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ*

Статья посвящена говорам ижемского диалекта коми языка, распространенным на территории Ямало-Ненецкого автономного округа. Дается краткий обзор их социолингвистического состояния. Рассматриваются изменения в фонетической и лексической системе коми-ижемских говоров ЯНАО, обусловленные контактным влиянием ненецкого языка, – не просто заимствование отдельных слов, но калькирование фрагментов языковой системы.

Ключевые слова: коми язык, ижемский диалект, ненецкий язык, ареальная лингвистика, контактное влияние.

1. Введение

В статье рассматривается материал говоров коми языка, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО) наряду с говорами трех других уральских языков: ненецкого, селькупского, хантыйского. В этой связи представляет несомненный интерес как изучение идиомного варьирования внутри каждого из этих языков по отдельности, так и исследование ареальных контактов между четырьмя уральскими языками ЯНАО и их взаимного влияния. Решению этих задач посвящен коллективный проект по созданию диалектологического атласа уральских языков ЯНАО (см. подробнее: [Кошкарева и др. 2011]), в рамках которого и выполняется настоящее исследование.

Авторы статьи с 2008 г. занимаются полевыми исследованиями говоров коми языка на территории ЯНАО. Основным источником данных для диалектологического атласа служат именно полевые материалы. Кроме того, используются материалы аудиоархива телерадиокомпании «Ямал-Регион» (г. Салехард), а также архивные материалы Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН (г. Сыктывкар). На текущий момент изучались говоры следующих населенных пунктов:

– Шурышкарский район ЯНАО: с. Мужы¹, с. Шурышкары, с. Восяхово; имеются также отдельные архивные данные по говору с. Горки.

– Приуральский район ЯНАО: с. Белоярск; также привлекались архивные данные по говорам с. Харсаим, с. Аксарка и говорам уроженцев г. Салехард и г. Лабытнанги, находящихся в той же географической зоне.

* Исследование поддержано грантом РГНФ № 14-04-00476а.

¹ Большой объем данных по говору с. Мужы приводится в словаре [Бирюк 2010], явившемся результатом первого этапа исследования коми-ижемских говоров ЯНАО.

- Надымский район ЯНАО: с. Нори¹.
- Пуровский район ЯНАО: с. Самбург.

2. Коми-ижемцы ЯНАО: общие сведения

Коми, проживающие на территории ЯНАО, являются носителями ижемского диалекта. Обычно считается, что основные переселения групп коми-ижемцев за Урал происходили в середине XIX в. ([Сахарова, Сельков 1976: 4; Повод 2004: 14]) и, в первую очередь, затронули западные районы ЯНАО и Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО). По данным [Повод 2004: 15], несколько позже, в конце XIX – начале XX вв., происходило дальнейшее расселение коми-ижемцев по территории Западной Сибири – в Надымском районе ЯНАО и в районе р. Казым в ХМАО. В 1930-х гг., как было выяснено в ходе собственных полевых исследований авторов статьи, группа коми-ижемцев была переселена еще восточнее – в Пуровский район ЯНАО. В настоящее время потомки этих переселенцев проживают в с. Самбург и окрестной тундре.

По данным переписи населения 2010 г., на территории ЯНАО проживает около 5000 коми, из них владеет родным языком около 2000 человек. Согласно нашим полевым данным, ямальские коми пользуются ижемским диалектом и практически не владеют литературным коми языком. Их говоры контактируют с хантыйским и ненецким языками, нередки смешанные браки между представителями разных наций. Наряду с этим, коми-ижемские говоры ЯНАО претерпевают интенсивное влияние русского языка, что не в лучшую сторону сказывается на их сохранности. Если представители старшего поколения коми-ижемцев владеют родным языком достаточно хорошо, то у представителей среднего поколения сохранность языка уже сильно варьирует (как правило, в этой возрастной категории родной язык лучше всего поддерживается в семьях действующих или бывших оленеводов). Младшее поколение практически не владеет коми языком; исключения из этого крайне редки и в основном встречаются в оленеводческих семьях. В учебных заведениях ЯНАО коми язык практически не преподается: так, в 2012 г. в школе с. Восяхово он преподавался в объеме одного урока в неделю, в школе с. Белоярск – только в рамках факультативного кружка, а в школе с. Мужы не преподавался вовсе. Использование коми языка в ямальских СМИ крайне ограничено: основное исключение составляет телерадиокомпания «Ямал-Регион», выпускающая на ижемском диалекте коми языка 1 телепередачу и 2 радиопередачи в неделю.

¹ Сбор материала в с. Нори проведен Н. Б. Кошкаревой и С. И. Бурковой в рамках экспедиции Института филологии СО РАН.

3. Коми-ижемцы ЯНАО: результаты ареальных контактов

Коми-ижемские говоры ЯНАО значительно изменяются под русским влиянием, приобретая многочисленные лексические заимствования, а также кальки в лексике и синтаксисе. Но, кроме того, для них существенны и другие ареальные контакты, особенно с ненецким языком. Заимствования из ненецкого языка, в частности, относящиеся к оленеводческой лексике, ранее отмечались во многих работах (см.: [Игушев 1976; Сахарова, Сельков 1976; Туркин 1985; Суббота 2010; и др.]). Однако в основном во всех этих случаях шла речь о заимствованиях предметной лексики для обозначения одного и того же денотата, ср. приводимые в [Сахарова, Сельков 1976: 122–123] примеры заимствованных наименований оленеводческих реалий: *хора* ‘олень-самец’ (нен. *хора*); *сынзы* ‘вертикальные шесты с двух сторон костра, куда прикрепляются поперечные шесты для подвешивания крюков’ (нен. *сымзы, симзы*); *ваньдей* ‘сани для имущества и продуктов’ (нен. *вандако, вандад*), и мн. др. Наши данные, кроме того, показывают, что коми-ижемские говоры могут заимствовать из ненецкого не только отдельные лексемы, но и устройство фрагментов языковой системы. Рассмотрим далее три примера такого типа.

3.1. Наименования волка

По данным [ССКЗД 1961: 170], основным средством наименования волка в диалектах коми языка является лексема *кӧйин / кӧин*. Хорошо известно, вместе с тем, что для наименования культурно значимых и опасных животных, в частности волка, в языке нередко возникают эвфемизмы, ср., например, рассмотрение таких случаев в [Кошкарева и др. 2011]. Применительно к коми языку этот факт отмечался и в работе А.-Р. Хаузенберг, посвященной системе наименований животных, но одновременно с этим обращалось внимание на малое число таких примеров именно в случае волка, ср. следующее пояснение: «*Лӧк зверь* (иж.) ‘волк’. Дословно это – ‘злой, плохой зверь’. Это единственное явно табуистическое название волка, которое удалось обнаружить автору работы, притом тоже на территории ижемского диалекта, в селе Гам. Однако и оно, очевидно, в скором времени будет предано забвению. Представители младшего поколения уже сейчас воспринимают это словосочетание в прямом смысле, и только некоторые пожилые охотники с улыбкой отвечают, что так некогда называли волка» [Хаузенберг 1972: 22].

Наши исследования современных коми-ижемских говоров ЯНАО демонстрируют, однако, ситуацию, полностью противоположную описанной у А.-Р. Хаузенберг. Существительное *кӧйин / кӧин* практически не известно носителям описанных говоров, а вместо него используются только эвфемизмы, ср. следующие примеры: *Лӧк зверыс орлалэма балясэ* ‘Волк (букв. ‘плохой зверь’) разодрал овцу’ (с. Восяхово); *Кӧранум тай войнаслы бӧжыс волэма* ‘В наше стадо ночью волк (букв. ‘костяной хвост’) при-

ходил' (с. Белоярск); *Ылласасэ адди и зэй поози* 'Волка (букв. 'уличного') я увидел и очень испугался' (с. Белоярск); *Важэн ёмаыс зэй уна вёлис, лун и вой стаптэ каролитан, кёр воштан – судитасныс. Уна кёр джагедіс ёма, миме мынтан* 'Раньше волков (букв. 'ведьм') очень много было, день и ночь стадо караулишь, оленя потеряешь – судят. Много оленей задрал волк (букв. 'ведьма'), сразу платишь' (с. Самбург).

Перейдем теперь к более подробному обсуждению найденных эвфемизмов для наименования волка. Повсеместно употребимым является известный из [Хаузенберг 1972: 22] и [ССКЗД 1961: 170] вариант *зверь / лёк зверь* (с разными вариантами смягчения согласных в русском заимствовании, часто чередующимися даже в идиолекте одного и того же носителя языка – *звер, зьвер, зверь, зьверь*). Помимо этого, в некоторых поселках, как уже можно было увидеть из приведенных примеров, были зафиксированы и многие другие эвфемизмы, относящиеся к волку. Так, в говоре с. Белоярск Приуральского района используются следующие варианты отсылки к волку: *ылласа* (букв. 'уличный'), *лы бёж* (букв. 'костяной хвост'), *лы бёжа* (букв. 'с костяным хвостом'), *кузь бёж* (букв. 'длинный хвост'), *кузь бёжа* (букв. 'длиннохвостый'). В говоре с. Самбург встречается эвфемизм *лёк* (букв. 'плохой'; по-видимому, еще один вариант усечения «базового» наименования *лёк зверь*), уже отмеченные для говора с. Белоярск варианты *лы бёж / лы бёжа* и *кузь бёж / кузь бёжа*, а также наименования *ыллаын ветлалысь* (букв. 'на улице ходящий'), *вой ветлалысь* (букв. 'ночью ходящий'), *бука* (букв. 'нечистая сила'), *ёма* (букв. 'ведьма').

Крайне существенным для интерпретации этих эвфемизмов представляется тот факт, что подобное их обилие встречается именно в зонах активного контакта коми и ненецкого языков, и многие коми-ижемские варианты, специфические для этих говоров, имеют ненецкие параллели. Так, эвфемизмы *ылласа* и *ыллаын ветлалысь* параллельны ненецким *пихий* (букв. 'уличный'), *пивня ядэрта* (букв. 'по улице гуляющий') [Кошкарёва др. 2011]. Коми-ижемское выражение *кузь бёж / кузь бёжа* устроено аналогично ненецкому *тэва ямб* (букв. 'длинный хвост'), упомянутому в [Терещенко 1965: 684]. Наименование волка путем его сравнения с представителями нечистой силы, отраженное в самбургских вариантах *бука* и *ёма*, по-видимому, аналогично ненецкому эвфемизму *ңылека* (букв. 'злое страшное сверхъестественное существо, вызывающее болезнь') [Терещенко 1965: 409]. Самбургский эвфемизм *вой ветлалысь* (букв. 'ночью ходящий'), отсылающий к волку по признаку времени, когда тот типично активен, повторяет ненецкое выражение *пихиня ядэрта* (букв. 'ночью ходящий'), тоже отсылающее к волку и отмеченное в относительно близком территориально говоре с. Гыда (А. А. Козлов, личное сообщение). Из зафиксированных в ижемских говорах Самбурга и Белоярска эвфемизмов в ненецком языке нами пока не обнаружен только источник

примера для *лы бӧж / лы бӧжа* (букв. ‘костяной хвост / с костяным хвостом’), хотя в целом следует заметить распространенность в ненецком языке метонимических наименований волка через отсылку к его хвосту: помимо уже упомянутого зоонима *тэва ямб* (букв. ‘длинный хвост’), для ненецкого языка отмечается и вариант *тэвта* (букв. ‘хвостатый’) [Терещенко 1965: 686].

Тем самым, названия волка, специфические для сел Белоярск и Самбург, возникают только в той зоне, где коми-ижемские говоры тесно контактируют с ненецкими, и не возникают в более южных говорах Шурышкарского района, где ненецкого населения практически нет. С другой стороны, для ненецкого языка такого типа эвфемизмы весьма распространены и культурно значимы (см., например: [Терещенко 1965: 938]). Всё это позволяет предполагать калькирование коми-ижемскими говорами ненецких моделей наименования волка.

3.2. Глаголы позиции

Коми-ижемские говоры ЯНАО обнаруживают любопытное варьирование в системе глаголов позиции, а именно в употреблении глаголов *сулооны* (лит. *сулавны*) ‘стоять’ и *пукооны* (лит. *пукавны*) ‘сидеть’. В большинстве говоров (сс. Мужи, Восяхово, Белоярск) глагол *пукооны* характеризует сидящего человека, тогда как глагол *сулооны* может относиться, во-первых, к стоящему человеку, во-вторых, к положению вертикально вытянутых предметов (например, столбов), в-третьих, к положению ряда артефактов (например, чашки, бутылки, лодки), находящихся в позиции, естественной для их нормального функционирования – ср. здесь русские примеры типа *Чашка стоит на столе* и их анализ в [Рахилина 2008: 293]. Отклонения от сформулированных закономерностей обнаруживаются только в идиолектах некоторых носителей говора с. Самбург, использующих глагол *пукооны* в контекстах типа *Чашкаыс (тарелкаыс, былъыдыс) пукалэ пызан вылын* ‘Чашка (тарелка, блюдце) стоит (букв. ‘сидит’) на столе’; *Кӧн тэяд лэчьясъд пукалэныс?* – *Менам тӱе, тытэн шор кузяыс* ‘Где твои силки стоят (букв. ‘сидят’)?’ – *У меня вон, по речке*’; *Скамейкаыс пукалэ эстэн, сэтче пуксъыны верман* ‘Скамейка стоит (букв. ‘сидит’) здесь, туда сесть можешь’. В целом, тем самым, у таких носителей лексема *пукооны* может характеризовать функциональное расположение целого ряда предметов, не вытянутых при этом вертикально.

Интерпретация такого сдвига в устройстве семантической зоны позиции опять-таки приводит нас к сопоставлению коми-ижемских данных с ненецкими. Все информанты, в речи которых встречаются нестандартные употребления глагола *пукооны*, имеют тесные контакты с ненецким языком (например, один из информантов с детства знает не только коми язык, но и ненецкий, а в настоящее время женат на ненке и говорит с ней по-ненецки). В свою очередь, в ненецкой лексической системе именно глагол со значе-

нием ‘сидеть’ (*намдэсь*) имеет наиболее широкую сферу употребления по сравнению с другими глаголами позиции¹, ср. приводимый в [Терещенко 1965: 378] пример *Тол’ниня хыдя “намды”* ‘На столе стоят (букв. ‘сидят’) чашки’, при этом употребление в таком контексте глагола *нусь*, буквально означающего ‘стоять’ (о человеке), в ненецком языке невозможно. В остальных примерах с нестандартным употреблением носителями самбургского говора глагола *пукооны* в ненецком языке также будет употреблен именно глагол *намдэсь* ‘сидеть’. Наиболее вероятным объяснением самбургских примеров, таким образом, представляется именно калькирование ненецкой системы.

3.3. Ареальные контакты и фонетика

Ареальные контакты коми и ненецкого языков проявляются не только на уровне лексики, но и на уровне фонетики. Для большинства обследованных нами говоров ижемского диалекта свободно допустимо зияние гласных, например в словоформах *риве* ‘варит’, *воис* ‘пришел’, *луаен* ‘песком’ и пр. Исключения, однако, наблюдаются в речи некоторых информантов из с. Самбург, регулярно порождающих формы *риве* ‘варит’, *воис* ‘пришел’, *лујажен* ‘песком’ со вставными звуками *v* либо *j*, ср. также следующие примеры: *јувес* ‘острый’ (о кончике) в м. *јуес*, *јувас’ну* ‘спрашивать’ в м. *јуас’ну*, *јува* ‘пью’ в м. *јуа*, *лованпуд* ‘будете’ в м. *лоанпуд*, *лафкајун* ‘в магазине’ в м. *лафкаун*, *вајус* ‘эта вода’ в м. *ваус*, *вајен* ‘водой’ в м. *ваен*².

Здесь, безусловно, следует отметить, что устранение зияния гласных встречается, с большей или меньшей степенью регулярности, во многих диалектах коми языка (см., в частности, [Сорвачева 1966: 37–44] о верхневычегодском диалекте, [Сахарова и др. 1976: 14] о печорском диалекте, [Сорвачева 1977: 21–22] о нижневычегодском диалекте, [Жилина 1975: 47–48] о верхнесысольском диалекте, [Жилина 1985: 30–31] о лузско-летском диалекте, [Колегова, Бараксанов 1980: 21–22] о среднесысольском диалекте, [Жилина, Бараксанов 1971: 31–32] об отдельных говорах присыктывкарского диалекта). Для интерпретации самбургских данных оказываются, однако, важными два обстоятельства. Во-первых, устранение зияния не характерно для ижемского диалекта (как следует и из описания его фонетики в [Сахарова, Сельков 1976], и из полевых данных авторов статьи). Во-вторых, те носители самбургского говора, в речи которых встречается

¹ Данные об употреблении ненецких глаголов позиции, при которых не приводится других ссылок, получены от А. А. Козлова, занимавшегося их полевым изучением в с. Гыда в рамках более широкого типологического проекта, описанного в [Рыжова и др. 2014]. Ответственность за интерпретацию этих данных в рамках настоящей статьи полностью несут ее авторы.

² В примерах из данного раздела сознательно используется латинская графика – с целью более наглядного отображения вставного звука *j*, чем это позволяет обычная кириллическая запись.

такое явление, не имели контактов с носителями каких-либо диалектов, кроме ижемского, зато контактировали с ненецким языком. Например, у одной из таких информанток отец – самбургский ненец, а мать – в раннем детстве переехавшая в Самбург коми-ижемка родом из с. Мужы (при этом устранение зияния не отмечается ни в идиолекте матери, ни в целом в говоре с. Мужы (см.: [Бирюк и др. 2010]). По этой причине и здесь можно предполагать ненецкое влияние на систему ижемского диалекта: в ненецком языке существует запрет на зияние гласных (см., например: [Salminen 1998: 519]), и этот запрет проникает в данном случае в контактный коми-ижемский говор.

4. Некоторые итоги

Итак, в статье было обсуждено влияние ненецкого языка на контактные коми-ижемские говоры, проявляющееся не только в заимствовании отдельных слов, но и в калькировании фрагментов языковой системы. Такое влияние проявляется в области лексики (в частности, в системе глаголов позиции в с. Самбург и эвфемизмов для наименования волка в сс. Белоярск и Самбург), и, кроме того, оно весьма вероятно и в фонетике (устранение зияния гласных в говоре с. Самбург, в целом нетипичное для ижемского коми, но обязательное для ненецкого языка).

Поиск подобных системных изменений при языковых контактах, несомненно, должен составить важную задачу будущих исследований говоров коми языка, находящихся в контакте с другими уральскими языками. Открытыми в свете изучения уральских языков ЯНАО остаются также вопросы о контактно обусловленных грамматических изменениях и о влиянии хантыйских говоров на коми-ижемские (отдельные имеющиеся на эту тему работы, ср.: [Игушев 2010], пока не дают полной картины того, каковы результаты этих контактов). Дальнейшее изучение этого материала представляется актуальным и для развития теоретических представлений о языковых контактах и механизмах калькирования фрагментов языковой системы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бирюк О. Л., Кашкин Е. В., Кузнецова А. И., Усачева М. Н. Словарь мужевского говора ижемского диалекта коми-зырянского языка / под ред. А. И. Кузнецовой. – Екатеринбург: Баско, 2010. – 320 с.

Жилина Т. И. Верхнесысольский диалект коми языка. – М.: Наука, 1975. – 268 с.

Жилина Т. И. Лузско-летский диалект коми языка. – М.: Наука, 1985. – 271 с.

Жилина Т. И., Бараксанов Г. Г. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. – М.: Наука, 1971. – 276 с.

Игушев Е. А. К вопросу о культурных связях коми и ненцев // Этнография и фольклор Коми. Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО АН СССР. – 1976. – Вып. 17. – С. 116–118.

Игушев Е. А. Хантыйские семантические заимствования в коми языке // Вестник Югорского государственного университета. – 2010. – Вып. 2 (17). – С. 42–46.

Колегова Н. А., Бараксанов Г. Г. Среднесысольский диалект коми языка. – М.: Наука, 1980. – 227 с.

Кошкарёва Н. Б., Казакевич О. А., Кузнецова А. И., Кашкин Е. В., Коряков Ю. Б. Опыт картографирования лексических данных по уральским языкам, распространённым на территории Ямало-Ненецкого АО // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. – 2011. – Вып. 4 (73). – С. 3–7.

Повод Н. А. Социокультурная адаптация коми Северного Зауралья (XIX – первая четверть XX в.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург: УрГУ, 2004. – 27 с.

Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М.: Русские словари, 2008. – 416 с.

Рыжова Д. А., Кюсева М. В., Кожемякина А. Д. ‘Сидеть’, ‘стоять’, ‘лежать’: типология локативной предикации // Матеріали Українсько-російської школи-конференції молодих учених «Сучасні дослідження мови та літератури». – Донецк: ДонНУ, 2014. – С. 235–237.

Сахарова М. А., Сельков Н. Н. Ижемский диалект коми языка. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976. – 288 с.

Сахарова М. А., Сельков Н. Н., Колегова Н. А. Печорский диалект коми языка. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976. – 153 с.

Сорвачева В. А. Нижневычегодский диалект коми языка. – М.: Наука, 1977. – 228 с.

Сорвачева В. А., Сахарова М. А., Гуляев Е. С. Верхневычегодский диалект коми языка. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1966. – 257 с.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / под общ. ред. В. А. Сорвачевой. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. – 493 с.

Суббота К. А. Некоторые оленеводческие реалии в глагольной системе казымского говора ижемского диалекта коми языка // Казымские чтения: материалы научно-практической конференции / под ред. Е. А. Игушева, Т. А. Молдановой, Ф. М. Лельховой. – Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. – С. 185–190.

Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1965. – 943 с.

Туркин А. Коми-ненецкие языковые контакты // СФУ. – 1985. – Т. 21, № 3. – С. 190–203.

Хаузенберг А.-Р. Названия животных в коми языке (сравнительно-исторический анализ). – Таллин: АН Эстонской ССР, 1972. – 238 с.

Salminen T. Nenets // *The Uralic Languages* / ed. by D. Abondolo. – London, NY: Routledge: 1998. – P. 516–547.

E. V. Kashkin, A. I. Kuznetsova, N. A. Muravyov

Izhma Dialects of the Yamal-Nenets Autonomous Area: Dialect and Areal features

The article deals with the local idioms of Izhma dialects of the Komi language, distributed in the Yamal-Nenets Autonomous Area. After a brief overview of the sociolinguistic situation, authors discuss some changes in the lexicon and phonetics caused by the Nenets language influence. Both individual lexical borrowings and some contact-induced changes embracing the whole fragments of the language structure are taken into account.

Keywords: the Komi, Izhma dialect, the Nenets, areal linguistics, contact-induced change.